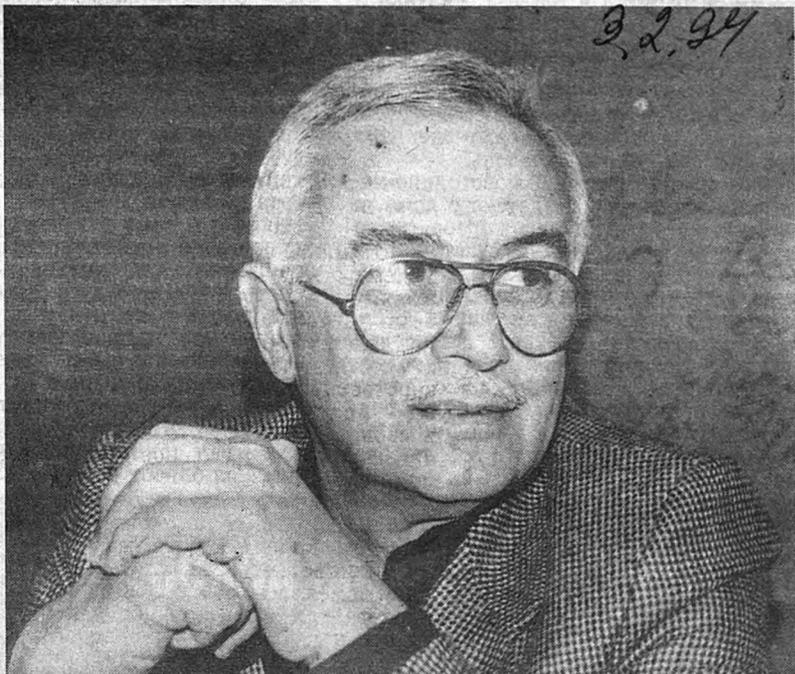

Абуладзе Тенгиз

31 января исполнилось 70 лет Тенгизу Абуладзе. Автору «Мольбы», «Древа желания», «Ожерелья для моей любимой», «Покаяния». Фильмов, сохранивших в незамутненной чистоте верность вечным категориям человеческого бытия — память добра и красоты, память истины. Абуладзе создал свой собственный кинематограф — цельный неповторимый, свой мир-миф, в котором ему близки и чужое горе, и чужая радость, и путешествуя из прошлого в настоящее, из реального мира в вымышленный. Многие называли «Покаяние» подвигом, а он просто снимал такое кино, просто потому, что не мог его не снять, не имел права.

Абуладзе создал собственный кинематограф вопреки многому, что встает на пути истинного художника, и, в частности, вопреки одной из попыток закрыть то, что начиналось как поэтический кинематограф Абуладзе. Но закрыть не удалось — он состоялся. В документах, которые специально для «ЭС» подготовил Валерий Фомин, — краткая история несостоявшегося замысла.

31 января на юбилейном вечере в Доме Ханжонкова было много гостей — друзей, коллег, просто зрителей. Не было только самого юбиляра. Он тяжело болен. Будьте здоровы, Тенгиз Евгеньевич! И пусть осуществится все вами задуманное. Свет вашему дому!

О сценарии Р. Квеселава, Т. Абуладзе «Мудрость вымысла»

К стыду моему, я только слышал о притчах Сулхан-Саба Орбелиани, но их не читал. Потому лишен возможности сравнивать сценарий с его первоисточником. Впрочем, наверное, это не нужно. Сценарий талантлив, в нем есть лукавство, остроумие, чистота помыслов. Читать его интересно, особенно, если не знаешь первоисточник.

Нет и не может быть возражений против идей, воодушевляющих авторов фильма. Они хотят делать фильм о морали, о высоких принципах человеческого поведения.

Кинематографическая «нерешенность» сценария, то, что в нем почти всегда отсутствует «ключ» к кинематографической расшифровке литературного текста, тоже не помеха. Т. Абуладзе отличный режиссер и, несомненно, если еще не нашел, то в процессе работы найдет визуальные решения. Мастер такого масштаба не нуждается в художественной «опеке» и заслуживает полного и безусловно го доверия.

И вот неожиданный вывод — сценарий этот ставить не нужно. Речь не о запрете. Запретить легко. Мотивы для запрета отыскать нетрудно. Можно сослаться на то, что фильм ожидает трудная прокатная судьба (об этом свидетельствует неуспех «Мольбы» того же Т. Абуладзе). Можно найти тематические соображения — мораль фильма абстрактна и вряд ли современному зрителю интересны уроки управления, которые дает феодальному владыке старинный автор.

Но меня волнует вопрос не о судьбе той или иной картины, а более важный вопрос о судьбе очень талантливого — Т. Абуладзе. Честное слово, это важно.

Этот отзыв не теоретический трактат, и теоретический спор в жанре рецензии невозможен. Однако попробую кратко поставить некоторые вопросы.

Уже в «Мольбе» сказалось тяготение Т. Абуладзе к притче. Казалось бы, ничего дурного в этом нет, тем более, что фильм был очень талантлив и, я бы сказал, талантлив изысканно. Но уже в этом фильме сказались пороки этой поэтики, поэтики притчи. Порок этот в схематизме, в абстрактности, в том, что содержание становится аллегорическим (именно в этом аллегоризме и причина того, что зритель отказывается смотреть подобные фильмы). И не нужно думать, что форма притчи подобна той, которую хочет внедрить Т. Абуладзе, только форма, еще непривычная, еще неясная, которую зритель со временем поймет. Нужно поставить вопрос: нужно ли ее понимать? Нужно поставить вопрос: зачем внедрять эту форму? Это не нелепый и не странный вопрос. Дело в том, что эта поэтика приводит не к расширению возможностей кинематографа (я за всемерное расшире-

ние, за любое экспериментирование в этой области), а к безмерному сужению его возможностей. В таком кинематографе нет возможности показать движение мысли и чувств человека. Из такого кинематографа уходит актер, прелесть непосредственности поведения человека на экране. Но и это не все. Есть еще большая опасность — такой кинематограф воспроизводит исторически-изжившие себя формы мышления, он архаичен, по существу, во всем, во всех компонентах. Притча становится здесь для серьезного художника не только возвращением к архаическим формам повествования, но, что гораздо серьезнее, принципом мышления художника. Он движется не вперед, а назад, к изжившим себя формам мышления. а не только к формам искусства.

То, что я неголословен, свидетельствуют некоторые фильмы последнего времени, фильмы талантливые, но все отмеченные этим неистребимым пороком. Назову хотя бы «Саят-Нову», «Вечер накануне Ивана Купалья». Я преисполнен уважения к талантливым людям, их сделавшим, так же, как и Т. Абуладзе. Но нельзя же не видеть ошибку, тяжелую, творческую ошибку, приведшую к поражениям авторов этих фильмов.

Я понимаю, что краткие мои соображения могут показаться недоказательными. Речь ведь идет не об отдельной картине, а о судьбе целого направления, которое, по моему глубокому убеждению, изжило себя, не успев родиться.

И вопрос не в том, чтобы «прекратить» попытки Т. Абуладзе, а в том, что «убедить» его и его единомышленников. Я один не могу этого сделать. Тут нуж-

но авторитетное, коллективное мнение. Мнение художников. Мнение товарищей по профессии.

И я не знаю, дело ли это Редколлегии Главка. Как ни крути, но в чем-то прав В. Е. Баскаков, обмолвившийся, что это орган цензурный. Но, наверное, придется вести об этом разговор здесь, если то учреждение, которое призвано, именно призвано, вести творческую дискуссию, а не только обеспечивать заграничные поездки, заниматься рекламой отдельных фильмов и устраивать просмотры для всей Москвы, этим, т. е. дискуссией не занимается. Вот и получается, что пропущены важные и интересные процессы в недрах кинематографии, вот и получается, что мы несколько не интересуемся судьбой талантливых людей, делающих ошибки.

Что же я предлагаю? Попытаться организовать в Союзе кинематографистов обсуждение работы Т. Абуладзе и С. Параджанова, Ю. Ильенко и Л. Осыки (они ведь единомышленники, хотя, может быть, об этом не догадываются сами), и в связи с этим и сценария «Мудрость вымысла». Я понимаю, что мое предложение отдает «маниловщиной», но ничего другого предложить не могу. Разве, кроме того, что если Союз кинематографистов «открестится» от такой дискуссии, в более узком кругу организовать ее на редколлегии с привлечением нескольких серьезных людей.

Повторяю, речь не в очередной постановке Т. Абуладзе, а о его творческой судьбе.

М. БЛЕЙМАН.

28.11.1970.

Опираясь на этот отзыв, Главная сценарная редакционная коллегия Госкино СССР направила письмо В. Е. Баскакову со своими замечаниями по сценарию:

«Сценарий представляет явление весьма специфическое — это сборник философских притч-поучений грузинских князей и родовой знати, призванной наследовать дело отцов. Эти притчи и философские тезы какого-то общекавказского или даже общевосточного происхождения. В них трудно увидеть основы народной жизни, демократические, народные представления, жизненную мудрость. Это очень своеобразный материал, который вряд ли будет интересен и понятен для широкого союзного зрителя. Тем более, что никакого современного звучания, никакого отношения к современности этот замысел не имеет.

По нашему мнению, этот сценарий ставить нецелесообразно по тематическим соображениям».

Последний документ, закрывающий эту историю, получился совсем коротеньким. Ученые доводы местного критика уже не понадобились: «Комитет по кинематографии не рекомендует студии «Грузия-фильм» работать над сценарием «Мудрость вымысла» по тематическим соображениям. В. Баскаков».

(Материалы из архива Госкино СССР, ф. 48, оп. 5, д. 303).